

ГЛАВА I

— Итак, господа, подводя итоги сказанному, — директор обвел угрюмым взглядом всех собравшихся, — с сегодняшней ночи назначаются дежурства. Дежури́м парами с отбоя, то есть с девяти часов вечера и до пробудки. То есть до шести часов утра. Далее — обычное ваше расписание и ежедневные обязанности. Будьте бдительны. Если заметите подозрительные передвижения, присутствие в спальнях посторонних или животных, группу учеников больше двух, блуждание по коридорам дальше туалета после отбоя, разговоры и прочий бедлам — немедленно пресекайте. Чересчур активных — в карцер до утра, потом разберемся. Всем понятно?

Учителя согласно забормотали. Директор прошелся туда-сюда перед письменным столом, стуча по полу тростью.

— Лист с расписанием дежурств будет висеть в учительской через час. Настоятельная просьба — ознакомиться до ужина, чтобы исключить недопонимания, опоздания и идиотские вопросы. Вопросы любой степени идиотизма лучше задавать прямо сейчас.

— Господин Фоули, — учитель математики поднял руку, — означает ли это, что дежурство продолжается всю ночь? А когда же спать?

— Время дежурства разделяется на две смены. И мне, и коменданту, и падре, и даже нашему всевидящему оку Надзора* придется дежурить точно так же, как и вам. Не забываем, что наше учебное заведение не просто школа. Мы школа второй ступени, и наша ответственность перед обществом гораздо серьезнее, чем у преподавателей начальных школ, профучилищ и прочих институтов. Прошу не забывать об этом ни на минуту.

Еще бы, попробуй забудь. Два года фактически тюремного заточения, чтобы в финале прогнать детей через дистингер** и отделить овец от козлищ. И даже высокая вероятность, что козлищ в стаде не окажется, заточения не отменяет.

— Еще вопросы? Нет? Тогда расходитесь по своим классам, господа, сейчас будет звонок.

И правда, затрезвонил звонок — начался новый учебный день.

Лео подождал, пока выйдут те, кто спешил на занятия. У него имелся час перед уроком истории, так что в другой день можно было бы поспать на час подольше, но директор еще с вечера объявил об утреннем сборе для всего персонала.

Предыдущей ночью ученики набезобразили в интернатском подвале — кто-то повесил на трубе куклу в школьном платье, до истерики напугав явившуюся среди ночи в подвал толпу подростков. На взгляд Лео, ничего особо крими-

* Магический Надзор — государственная служба по охране и защите граждан от магических влияний.

** Дистингер — артефактный прибор, регистрирующий фоновые излучения канденция, вплоть до самых малых значений. Изобретен проф. Гиллеаном в 1918 году. В настоящее время действующих дистингеров осталось 6 штук.

нального в этой выходке не было — все-таки День Всех Святых располагает. Но Фоули рассвирепел и таки нашел виноватого. А вчера после ужина обнаружилось, что сбежал один из учеников, Маттео Маллан.

Как понял Лео, побег ученика — не то чтобы особо редкое явление. Подростки, не привыкшие к суровой жизни в интернате, сбегали время от времени. Как правило, их даже не разыскивали: через сутки-полутора родственники возвращали беглецов. Сразу искать начинали тех, кто был на государственном обеспечении, детдомовцев. Эти уж если сбегали, так сбегали наверняка.

Маттео Маллан был мальчик домашний, непуганый. Восьмой класс, первый год в школе второй ступени, два месяца в интернате.

— Слышь, Серый! — В опустевшем коридоре Лео догнал физкультурник, здоровенный детина, ненамного старше его самого. По этой ли причине, или из-за общего простецового хамства, физкультурник не утруждался обращаться к молодым коллегам по имени. — Закурить найдется? У тебя есть, я знаю. Пойдем, подымим.

Лео увернулся от похлопывания по плечу, но кивнул, проглотив раздражение.

— Привет, Большой Ро. Угощу, конечно.

— Своими дамскими конфетками?

— Чем есть, Ро. Вонючего матросского табака можешь у Фоули попросить.

— У него снега зимой не допросишься, — хохотнул физкультурник, поднял палец и рявкнул, подражая директору: — Бережливость и экономия, дар-р-р-моеды!

Они спустились по широкой лестнице — ее ступеньки словно обкусал по краю голодный великан, — пересекли пустой холодный холл и вышли на крыльцо, в промозглый воздух ноябрьского утра.

Небольшую площадку у входа обрамляли почти облетевшие узловатые тополя, путь на улицу отсекала высо-

кая кованая ограда, всегда запертые ворота с калиткой и будка сторожа, оплетенная девичьим виноградом, еще не растерявшим пурпурные листья. За оградой вся улица тонула в сыром сумеречном тумане. В воздухе висела морось, и брусчатка, залепленная мокрыми листьями, блестела.

Лео достал серебряный портсигар и предложил физкультурнику тонкие сигариллы. Тот схапал две, одну сунул за ухо, другую в рот, и нагнулся к артефакту-зажигалке, которой Лео прикрыл от ветра рукой.

— М-м-м, вишенкой пахнет. — Большой Ро выдохнул ароматный дым и зажмурился. — Тебя твои богатенькие родители, что ли, спонсируют? Такие стоят, как вся моя жизнь.

— Нет. Это старые запасы. Наслаждайся, пока есть.

Лео оперся спиной о квадратную колонну, поджег сигариллу. Сам он курил нечасто и немного, но запас хорошего курева имел. Еще со студенческих времен он обнаружил этот забавный, но действенный способ подружиться с коллективом — совместное посещение курилки, крыльца или балкона, чтобы немного подымить, поболтать или помолчать, послушать. В эти минуты возникает загадочная близость и откровенность. Такая своеобразная простецовая магия.

Лео поднял воротник пальто, защищаясь от залетающей под козырек влаги — он так и просидел все собрание в верхней одежде. Раздеваться, по правде говоря, и в помещении не хотелось.

— Молодые люди, есть пара минут?

К ним подошел падре Кресенте, школьный капеллан. Кроме обязанностей священника, он занимался документами и иногда выполнял функции секретаря для Фоули. Невысокий и хрупкий, как подросток, в аккуратной сутане и с неизменной улыбкой.

Священник равно Инквизиция, и нельзя сказать, что Лео не испытывал некоторого напряжения и даже опаски, од-

нако ровное и благожелательное отношение падре ко всем, включая детей, Лео импонировало.

Он улыбнулся и протянул раскрытый портсигар.

— Угощайтесь, падре.

— Благодарю, я воздержусь. Мне к обеду надо подготовить списки для дежурств, и я хочу спросить, молодые люди, есть ли у вас пожелания и предпочтения насчет ваших партнеров? Лео, с кем бы вы хотели пойти в разведку?

— В разведку? С вами, падре, — быстро сказал Лео.

Врагов следует держать как можно ближе, так говорил Беласко — дядя, старший товарищ и глава Магистерия, хоть и самопровозглашенный.

Падре Кресенте поднял брови и рассмеялся. Он был ибериец, родом из королевства Арахон, брови имел черные, густые, а зубы белые-белые, как и колоратка на его сутане.

— Я польщен, сын мой. Так и запишем. А вы, Рональд?

— Да мне по барабану... только старых перцев мне не надо. А перечниц тем более. Это... с Юлио меня запишите. С Юлио, точно!

Ну-ну. Юлио Дюбо, наблюдатель от Надзора, вел в школе начальную магзащиту, то есть гонял ребят строем по двору и иногда тренировал разбирать-собирать на скорость портативные магдетекторы. Защитой, на взгляд Лео, там и не пахло.

Много эти друзья надежурят вдвоем? Будут пиво пить и радио слушать.

Лео покосился на священника — тот царапал самопиской в блокнотике, — вдохнул дым и медленно выпустил в сторону. Спросил после паузы:

— Правильно ли я понимаю, падре, что Бьянку Венарди ожидает проверка Надзора? Или после карцера она может вернуться к учебе?

Падре оторвался от записей и улыбнулся:

— Ну что вы, Лео. Ничего сверхъестественного не случилось. Обычные шалости и нарушение дисциплины. Девочка

чересчур увлеклась. Мы все надеемся, что наказание охладит горячую голову синьориты Венарди, и такого больше не повторится. Ловить ведьм там, где их нет, — не слишком разумно.

Ну, слава Ястребу! Фоули так орал на бедную девочку, что за двумя закрытыми дверями в коридоре было слышно. Когда Лео вчера утром пришел в школу, все только и говорили, что о висельнике в подвале, который то ли был, то ли не было, и о привидении, которому это тело принадлежало. О привидении вообще ходили упорные слухи и гуляли страшные истории, и Лео нутром чуял, что тут все не так просто.

Он подозревал, что и другие это чувят. Нет дыма без огня, а Бьянка некстати подлила масла в этот огонь. Ее выходка была несколько больше, чем просто шалость и нарушение дисциплины. К тому же история с повешенным, случайно или нет, совпала с побегом ученика. Из всего этого можно было раздуть грандиозный скандал.

Но если директор Фоули ограничится дежурствами и карцером, а наблюдатель от Надзора не ловит мышей, то и слава феям.

— Вот ты где, Ро, Мордач, мать твою! Ты спер мою цацку! Ты спер цацку мою, жирная рожа!

От угла школы к крыльцу спешил, волоча метлу, школьный истопник и дворник по прозвищу Дедуля. Физкультурник поперхнулся дымом.

— Чего? Какую цацку, ты в своем уме, Дед?

— Мою цацку! Сам знаешь, какую! А ну выворачивай карманы, показывай!

— С ума сошел? Пьяный черт! С утра глаза залил или с ночи не проспался? Иди к себе. Эй! Что ты меня хватаешь? Пошел вон!

Лео и падре Кресенте с удивлением наблюдали, как явно не проспавшийся Дедуля, бросив метлу, пытается схватить отступающего за колонну физкультурника.

— Падре, скажите ему, чтоб шел к себе! Дедуля, отвали, пока я тебе не вмазал, чего ты пристал? Руки убери!

— Конрад, — окликнул истопника падре Кресенте, — что вы хотите от Рональда? Объясните нам.

— Пусть вернет, что украл! — Дедуля возмущенно тыкал пальцем в физкультурника. — Вор, гаденыш, обокрал спящего!

— Да тебе приснилось, — догадался физкультурник, — ему приснилось, падре, с пьяных глаз. Что у него красть? У него в каморке старье да мусор, дверь не закрывается. Кто угодно мог с улицы зайти. Почему я?

— Ты! Ты его видел, и ты забрал! Сам мне подливал, с-с-собака!

— Я вообще не пью, особенно с такими, как ты! Убери руки, пьянь!

Падре Кресенте покачал головой.

— Конрад, вы и правда... не совсем трезвы. Постарайтесь выспаться, прийти в себя и высказать свои претензии Рональду в более приемлемой форме. Если вы к тому времени о них вспомните.

— Ты думаешь, я вру? Думаешь, я заливаю, да? Падре! Я не вру! Этот сукин сын спер мою цацку!

— О, падре, смотрите, — сказал Лео, — смотрите, это, кажется, Маттео Маллан.

За воротами стояли трое, и сторож, выбравшись из будки, отпирал им калитку.

На площадку перед крыльцом шагнул высокий сутулый мужчина в кургузом плаще, он волок за локоть подростка в синей школьной куртке. Тот не сопротивлялся, но брел понурившись. Следом за ними шла женщина — не старая еще и когда-то, наверное, красивая, но заморенная и словно бы выцветшая. В руке она комкала платочек и то и дело промокала глаза.

Падре Кресенте двинулся им навстречу.

— Господин Маллан, госпожа Маллан, приветствую вас. Спасибо за содействие и высокую гражданскую ответствен-

ность! Господин Фоули, и я, и вся администрация — мы все благодарим вас за быстрое, без проволочек, возвращение Маттео в стены школы. — Он шагнул мимо мужчины с мальчиком прямо к женщине, которая запнулась и остановилась, беспомощно покачиваясь и моргая сквозь слезы. — Госпожа Маллан, очень сочувствую! Знаю, что это было нелегко. Скрепите сердце, через два года ваш мальчик — уже юноша — вернется к вам.

— Ох, падре, каждый день молюсь об этом, — всхлинула женщина, — и чтобы обошла нас угроза эта ужасная, и чтобы артефакт-то надзорский не ошибся бы!

— Дистингер не ошибся еще ни разу, госпожа Маллан. Дефиниции — это величайшее испытание нашему смирению, но каждый из нас должен пройти их. А юные обязаны пережить два года суровых перед испытанием. Будем помогать друг другу и поддерживать. Господин Маллан, — он обратился к мужчине, — принимаю из ваших рук вашего сына Маттео и еще раз благодарю за добросовестное выполнение гражданского долга и за оказанное школе сотрудничество.

Мужчина одной рукой стащил кепку, смял ее и прижал к груди, а другой подтолкнул сына к священнику.

— Вот, падре... вертаем, значит. Заблудшего.

Падре ласково улыбнулся и протянул подростку обе руки. Маттео, не поднимая головы, пошаркал к нему.

Лео глядел на родителей и не знал, что чувствует — то ли жалость, то ли неловкость, почти отвращение. Эти двое с коровьим послушанием привели обратно на скотный двор своего теленочка и теперь надеются на лучшее. Авось бог милует, и чадо никак не проколется за два года и пройдет эти распроклятые Дефиниции.

Впрочем, в падре есть что-то такое, что заставляет надеяться на лучшее, этого у него не отнять. Ну, на то он и священник.

— Что, Маттео, — говорил тем временем падре Кресенте, — тяжело в интернате? Всем несладко, дружок, зато

после Дефиниций к тебе никто не подкопается: ни Надзор, ни Инквизиция.

— Я... я не малефик! — выдавил младший Маллан.

— Не сомневаюсь. Однако надо доказать это государству. Мы все это доказывали, Маттео. И я, и папа, и мама. И господин Фоули. И даже господин Дюбо.

— Вас на два года не запирали. Вы просто Дефиниции прошли, и все!

— Вот и жаль, что не запирали. Если бы запирали и следили бы за молодежью — меньше жертв было бы на этой войне. Пошли к директору. Только прими раскаявшийся вид и не препирайся с ним. Глядишь, и в холодную не посадят. До свидания, госпожа Маллан, всего доброго, господин Маллан. Еще раз благодарю.

Падре повеял подростка к дверям школы, мимо все еще переругивающихся физкультурника и Дедули.

Ловко же ибериец разговаривает и с учениками, и с их родителями. Ласково, но без попустительства. Маттео даже приободрился, а ведь ему сейчас влетит от директора так, что небо с овчинку покажется.

Надо бы и мне подобным образом научиться, а то ведь не знаю, с какой стороны к ним подойти.

Лео вздохнул, отщипнул ногтями дотлевший до перламутрового бумажного колечка огонек на сигарилле, спрятал остаток в портсигар и отправился следом за падре в школу.

— Итак, в прошлый раз мы изучали «Причины и поводы войны 23 года». — Лео обвел взглядом притихший класс, придвинул к себе тетрадь с планом урока. — Думаю, вы помните, что я рассказывал, прочли соответствующую главу в учебнике и хорошо подготовились к сегодняшнему опросу.

Ничего они не читали, конечно.

Дети из бедных семей ремесленников, рабочих и артефакторов первой и второй степеней — тех, кто занимается городским освещением или монтирует телефонные линии. Не было у этих детей привычки к упорной учебе, а было только желание продержаться два года и выйти после Дефиниций на свободу. К станкам, в мастерские, в депо или в прачечные, где работали их родители, старшие братья и сестры.

Семьи побогаче и повлиятельнее всеми силами старались избавить своих отпрысков от фактически двухгодичного заточения, платили особый налог, подписывали в Магическом Надзоре кучу бумаг и, когда подходила очередь, привозили своих чад на Корабельную улицу, к дверям МН.

Детей возвращали не всех.

Если дистингер, один из шести исправных артефактов Дагды Гиллеана, обнаруживал у подростка подозрительно высокие значения фоновых эманаций кандёнеция, то судьба его была predetermined — он поступал в распоряжение Унии Артефакторика. Официально молодые малефики переучивались на артефакторов, но на самом деле... Бездна знает, что там происходило с ними на самом деле. Переученные бывшие малефики вроде бы считались свободными гражданами, но по улицам они не гуляли и в семье не возвращались.

Класс наблюдал за Лео двадцатью парами глаз: серых, голубых, угольно черных, карих — и ни в одном взгляде интереса к царице наук, истории, не угадывалось. Лео еще даже не успел все имена запомнить, что уж говорить о каких-то педагогических успехах. Да и не для того он здесь, будем честны.

За последней партой сидела та самая девица, Бьянка Луиза Венарди, из-за которой в учительской было столько шуму. Высокая, тощая, с зеленым кошачьим взглядом, вздернутым конопатым носом и бритая почти наголо, только светлый ежик волос начал отрастать.

Когда ее в сентябре привезли в школу, медсестра обнаружила вшей и изничтожила их вместе с прической. Добрые и тактичные одноклассники немедленно прозвали Бьянку Луизу «Лысая Лу», но ее это, кажется, не смущало.

В правом ряду, у окна — понурый Маттео, которого сегодня вернули родители. За первой партой, прямо перед учительским столом — две похожие девочки, с каштановыми косичками, одинаково темноглазые — сестры-двойняшки родом с самых окраин Артемизии. Старых окраин, даже не новых. Одну из девочек звали вроде бы Марья, вторую э-э-э...

Лео беспомощно заглянул в журнал.

— Дефо Габриил, — прочел он первую попавшуюся фамилию.

Поднялся невысокий юноша, белобрысый, узкоплечий. Казенный синий пиджак из грубой шерсти (что за мерзость этот материал, Лео за неделю весь исчезался) сидел на нем, как мятый футляр.

— Я, господин учитель.

— Назовите основные разногласия между малефиками и настоящими людьми, послужившие причиной конфликта в начале двадцатых?

Хорошенький вопрос, который занимал светлые головы по обе стороны баррикад не только в начале двадцатых, но и как минимум последнюю тысячу лет. Скверно отпечатанный учебник в клеенчатой обложке, «кор. типогр. инкв. № 11099», ответом располагал кратким и ясным. Видно было, что юный Габриил учебник не открывал. Может, и к лучшему.

— Ну так... господин учитель, стало быть...

Лео незаметно вздохнул и сложил ладони домиком, утвердив на них подбородок. По ногам дул сквозняк, и они отчаянно мерзли в опорках из чертовой кожи, которые выдавала кастелянша вместе с остальным положенным обмундированием.

— Подумайте хорошенько, Габриил. Такая разрушительная и кровопролитная война ведь не могла начаться на пустом месте. Значит, были причины. И закончилась она всего пять лет назад. Что-то же вы должны были об этом слышать?

Двойняшка Марeya хихикнула и пихнула сестру локтем. «Дебил», — беззвучно, но отчетливо артикулируя, прошептала та. Юный Габриил налился пунцовым румянцем.

— Известно ж, малефики настоящих людей притесняли и умучивали, и потом ихний главный, этот... Красный Лев... сказал, что свое государство строить будет, а настоящих людей поистребит всех.

Лео терпеливо молчал. Дефо Габриил тоже замолк — видимо, его знания на тему обсуждаемого предмета полностью исчерпались.

— Ну хорошо. Садитесь. Бернини... э-э-э Розалин. Найдется, что добавить?

Поднялась красивая девочка, обладательница белокурых локонов и ясной синевы глаз. Волосы тщательно заплетены колоском, платье аккуратное, ни одной складки. Как только некоторые девочки умудряются в здешних условиях? Без мам, без пап, без слуг, в интернате?..

— Основная причина войны — ресурсы абсолюта. Малефикам нужны те же самые разломы*, места силы, источники абсолюта, которые используют настоящие люди для создания артефактов. Наша цивилизация требует огромных затрат абсолюта — для международных перевозок, транспорта, энергосетей и работы больших артефакторных механизмов на заводах и фабриках...

Девочка начала бойко сыпать цифрами, почерпнутыми из учебника. Лео слушал ее, полуприкрыв ресницы.

* Разломы — трещины из Средней Реальности в Младшую Реальность, наш мир.

Веками высокие фейские дома обитали в горделивой изоляции, если они и интересовались простецами, то исключительно с теоретической стороны. Иные же маги, не имеющие в собственности (или неспособные, или не желающие искать и осваивать) мало-мальски пригодный для обустройства разлом, часто поселялись в городах, бок о бок с простецами. Но им-то с простецами как раз нечего было делить.

И пока высокоумные потомки фей спорили на темы «субстрат ли для нас профанное общество или, напротив, балласт», а также «доброе отношение к простецам — слабость или признак духовной силы?», упомянутое общество уже стояло на границах скрытых под вейлами* волшебных долин со своим техническим прогрессом: двигателями, работающими на твердом абсолюте, тяжелыми дивизионными гаубицами и распроклятыми дирижаблями. Это для магов их долины были священными родовыми гнездами, а для простецов они являлись крупнейшими месторождениями абсолюта, которые даром простаивают.

Мест разломов — трещин в Среднюю Реальность, — пусть и не таких богатых, легендарных и древних, как принадлежавшие магам, на земле, а также под землей, хватало. Можно было бы вложиться в их разведку, разработку... Но, имея в своем распоряжении новые механизмы, которые можно приспособить для войны, как ее избежать? Маги поплатились за высокомерие, а простецы — выплеснули накопленный за многие годы страх.

Итог: пустая, выеденная войной скорлупа империи, лишь формально очерчивающая собственные границы, гибель десятков тысяч людей: и простецов, и магов. И гигантская,

* Вейл — энергетическая изолирующая структура, замкнутая, наподобие пузыря, или разомкнутая, как полотно. Цели и функции у вейла могут быть очень разные — от защитных (например, дефенсор) до невидимости (зеркальный вейл).

истекающая мезлой*, коверкающая реальность воронка на месте древнего центра Вены. Рукотворное место силы, к которому профаны даже присосаться не могут — кусок не на их роток...

Однако будем честны: этот кусок ни в один роток не пролезет. Ни у кого еще такой пасти не выросло — сырую мезлу хлебать...

Центр теперь сдвинулся в сторону пригородов, и бывшая Вена пафосно переименована в Артемизию. Страх и высокомерие, о да.

— ...приведшее к коварному самоубийству Красного Льва и его армии в центре города, к массовым жертвам и разрушениям, — закончила Бернини Розалин.

— Очень хорошо. Садитесь, пожалуйста. — Лео поставил оценку напротив ее фамилии в журнале и тоскливо глянул в окно.

Его не было в рядах соратников Красного Льва, «коварно самоубившихся» на Площади Семи Звезд в центре Вены в апреле двадцать шестого. Там, среди родичей, друзей и близких. Ни Лео не было, ни Беласко.

Зато сейчас есть кому склеивать черепки.

За окном, напротив интерната, в углу двора, где островком росли старый вяз и несколько деревьев потоньше, кто возился, доносился скрежет пилы. Листва уже полностью осыпалась, и в ветвях был хорошо различим силуэт крупного человека — да, кажется, это Мордач или Большой Ро, — и он с энтузиазмом пилил толстый сук. Сук тряся, с него сыпались мелкие веточки и древесный мусор. Под стеной интерната уже валялась, пересекая дорожку, отпиленная ветвь.

Внизу стояли двое мужчин: Алоиз Лемман, преподаватель физики и артефакторики, древний, сухонький, в неиз-

* Мезла — в Каббале одно из названий Божественного Света, исходящего из сущности Творца, пронизывающего все Дерево Сефирот и воплощающегося в материальном мире.